

Юго или Наполеон III?

Рос. газета, -1999, -13 окт, -с.8

ПОДОМУК

Московский театр "Содружество актеров Таганки" открывает седьмой сезон. Здесь идет в обновном классика — пьесы Гоппа, Чехова, Горького, Салтыкова-Щедрина и поэтические спектакли. "День Победы", "Владимир Высоцкий", "Афган" — это то, что по старинке называют литературно-музыкальными композициями, жанр, которым сегодня владеют лишь на Таганке. Театром руководит Николай Губенко — известный артист, режиссер, политик.

— Николай Николаевич, чем "Содружество" порадует зрителей в предстоящем сезоне?

— В этом году у нас будут две премьеры. Одна — по пьесе киевского драматурга Марии Лядо под названием "Очень простая история". По жанру это притча, в которой люди представлены с точки зрения животных: собаки, лошади, коровы, петуха... Вторая — моя давняя мечта — композиция по двум прозаическим произведениям Виктора Юго "История одного преступления", "Наполеон Малый" и его поэзия.

Впервые за всю историю "САТ" мы в этом году поедим на гастроли в Южную Корею, повезем "Афган" — спектакль, созданный в память о погибших героях афганской войны.

— Наверное, каждый раз, открывая очередной сезон, вы оглядываетесь на пройденный путь. Как вы оцениваете его, что вспоминаете?

— Меня радует репертуар, сложившийся за эти годы: двенадцать названий. Среди них и поэтические спектакли, которые продолжают таганковскую традицию, и классические — в традиции Константина Сергеевича Станиславского. Вспоминается несколько тяжелых лет. С 1993 по 1995 год мы выиграли двадцать семь судов. Из них — три сших, арбитражных с правительством Москвы, Театром Любимова, Москоммуществом. Все суды признали наше право на существование, на территориальный и имущественный раздел. Но, несмотря на это, "САТ" — единственный московский театр, который до сих пор не финансируется. Зарплаты у нас минимальные. Легенда Театра на Таганке — народная артистка России Зинаида Славина, которая пришла сюда вместе с Юрием Петровичем Любимовым, участвовала в первом спектакле театра "Добрый человек из Сезуана" и сыграла тысячу шестьсот "Добрых человек", получает всего 750 рублей в месяц. А у нее старики родители, квартира, коммунальные расходы...

Сейчас у меня три четверти труппы — молодежь, четверть — старые таганковцы. Когда мы берем молодого актера, то предупреждаем, что первая зарплата — 350 — 400 рублей. Ребята говорят: "Мы сюда не за деньгами пришли".

— Таким образом, внутри САТ существуют две струи: одна формальная, таганковская, другая — молодежная, классическая. Дали этот синтез нечто новое?

— И в той, и в иной стилистике мы пытаемся наследовать все лучшее.

В молодых мне импонирует подвижность и не нравится отсутствие художественной инициативы. Нет интересных предложений, фантазий. Это, скорее, поколение, внимающее режиссеру, нежели предлагающее свое. Жаль.

— Вы, как хозяин в театре и учитель коллектива, имеете возможность собирать вокруг себя интересных режиссеров...

— Во-первых, я не чувствую себя хозяином. У хозяина должны быть какие-то средства — у меня

— Бесспорно. Здесь неподдающему есть несколько жилых домов, где они живут на одних лестничных площадках. Вместе выгуливают собак, вместе выпивают. Вот только когда приходит каждый в свой театр — зачастую отношения обостряются. Если бы Юрий Петрович в 1991 году не сказал, что хочет сократить труппу на две трети и выбросить на улицу тех, кто с ним пришел в 64-м году, ничего бы этого не было. Мы пытались делать лишь шаги к примирению. И даже после раздела предлагали Театру на Таганке не только совместное использование нашей сценической площадки, согласно календарные сроки выпуска спектаклей, но и участие части нашей труппы в их постановках — словом, предлагали все, что могли. Но никакого понимания со стороны Юрия Петровича не встретили.

— Ваше мнение о создании музея Театра на Таганке?

— Я думаю, что о музее театра сами же таганковцы при жизни не должны помышлять. Может быть, кто-то, когда-то, после смерти первого поколения таганковцев попытается сделать музей. А сейчас самим себя закладывать в музей — это что-то не в стиле Таганки. Слышом уж разглагольствала магия величия у некоторых коллег...

— Вы оставите актером, режиссером или считаете себя политиком?

— Я не причисляю себя к политикам, а просто считаю, что кто-то должен защищать интересы нашего искусства, кинематографа — во властных структурах. Думаю, что мое депутатство помогает и театру. Наверное, если бы я не был депутатом, "САТ" бы давно закрыли.

— Что сейчас в Комитете по культуре? Какие настроения, мнения?

— Радостные. Мы одержали победу в борьбе за Закон о перемещении культурных ценностей во время Великой Отечественной войны. Конституционный Суд от 20 июля признал справедливыми 90 процентов положений Закона. Для меня он очень много значит. Я потерял во время войны отца и мать, в стране осталось 19 млн. таких же, как я, осиротевших детей, погибло 27 млн. наших граждан. А сколько памятников, дворцов, музеев было разбито, разграблено... И то, что

культурные ценности, попавшие к нам после войны из Германии, Италии и всех сателлитов, перешли в федеральную собственность — есть восстановление справедливости.

В новом законе соблюдены интересы США, Великобритании, Франции, в том числе частных лиц, будь то наследники или действительные собственники.

— Вы были инициатором закона о нравственной цензуре на телевидении. В каком он состоянии?

— Это не закон о нравственной цензуре, а закон о высшем совете, который есть и во Франции, и в Италии, и во многих других так называемых цивилизованных странах.

Предполагалось, что в нем от каждой государственной структуры (Президента, Правительства, Думы, Совета Федерации) будут авторитетные представители, некие арбитры, очищающие экран от захлестнувшей его мрази и грязи. Это назвали цензурой, а телевизионщики изобрели свою Декларацию. С тех пор прошло четыре месяца, на экранах телевизора ничего не изменилось. По-прежнему идет пропаганда насилия, наживы, порнография. И в то же время уверен, что сейчас в России что-то создается: рождаются новые идеи, производятся новые изделия, будь то в "оборонке" или в сельском хозяйстве... Вы видели хоть одного создающего человека на экране за последний год? Я не видел. Может быть, в нашем старом кино и на телевидении был перебор — мы слишком много времени уделяли производственным проблемам, "починам"... Но сейчас нет такого, чтобы рабочий человек рассказывал о своем трудовом опыте.

Закон о высшем совете не был принят. А вот когда в 50-х годах на экран и в литературу Франции хлынул поток американского ширпотребя, они приняли законы, квотирующие иностранную продукцию, облагающие ее большими налогами и пошлинами, направляющие эти деньги на развитие отечественной драматургии, кино...

— Что вам помогает в жизни перебороть трудную ситуацию?

— В первую очередь семья — жена. Во-вторых — опыт, который привел меня к мысли, что никогда не надо врать, иначе непременно натолкнешься на свою же ложь. А в целом никаких больших девизов нет. Мне грустно оттого, что жизнь коротка и за время своего пребывания в профессии я не успел сделать людей хоть на йоту лучше. А это в принципе задача каждого художника. В молодости обольщались, что мои фильмы, роли могут хорошо сказаться если не на человечестве, то хоть на одном человеке. Сейчас я в это не верю. Если двухтысячелетняя вера не улучшила человечество, то что может светское искусство?

Беседовала Татьяна СЕМАШКО.

ИТАР-ТАСС

Николай Губенко сожалеет, что ему не удалось пока сделать людей хоть на йоту лучше.